

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Панкевич Н.В. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 47-76.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_47

УДК 323.21:323.22:32.019.52

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному развитию государственной политики единства

Наталья Владимировна Панкевич

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

*Поступила в редакцию 11.04.2023, поступила после рецензирования 24.04.2023,
принята к публикации 25.04.2023*

В статье исследованы возможности содержательного обновления аналитических и управленческих подходов в рамках государственной политики общественного единства. В современных условиях реализация ее задач зачастую осложнена накопленным большинством обществ потенциалом социально-демографического сверхразнообразия и ценностного плюрализма. Совокупный эффект данных процессов позволяет говорить о наличии глубоко расколотых сообществ под фасадами политического единства современных государств. Автором статьи обоснован тезис

© Панкевич Н.В., 2023

о том, что сочетанное накопление в структуре общества меньшинств, консолидированных вокруг социального статуса, и рост политической значимости миноритарных ценностных дискурсов лишь на первый взгляд имеют общие корни и подлежат диагностике и социальной терапии схожими методами. Проанализированы причины современных институциональных предпочтений в пользу разрешения проблем разнообразия, консолидированного вокруг социального статуса, и установлено, что они связаны преимущественно с институциональной спецификой современного государства. Рассмотрен политический потенциал децентрализованных политически мотивированных акторов, их вклад в нарастание социальной поляризации, а также репертуар политического действия. Предложен подход к концептуализации подобных субъектов политического действия в качестве дискурсивных коалиций. Выявлены причины выпадения децентрализованных акторов из основных полей адресной государственной идентитарной политики, а также определены возможные направления восполнения аналитического арсенала для их выявления, содержательной фиксации их требований, выработки механизмов интеграции отклоняющихся ценностных дискурсов в общее русло государственной политики единства. В качестве системы, прямо предрасположенной к коммуникации с децентрализованными общественными дискурсами, в статье рассмотрена судебная власть. Показаны возможные пути ее институционального развития как одного из центральных субъектов государственной политики общественного единства.

Ключевые слова: политика единства, гражданская идентичность, национально-государственная идентичность, децентрализованная ценностная система, дискурсивная коалиция, дискурсивный конфликт, политические ценности, конституционный патриотизм, единство правового пространства, судебная власть

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Decentralized Value-Inspired Communities: Towards the Renewal and Institutional Development of the State Unity Policy

Natalia V. Pankevich

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Received 11.04.2023, revised 24.04.2023, accepted 25.04.2023

Abstract. The article examines the possibilities of a meaningful revision of analytical and managerial approaches within the framework of the state policy aimed at ensuring social unity. Today, its implementation is often complicated by the potential of socio-demographic super-diversity and value pluralism accumulated by the majority of societies. The cumulative effect of these processes suggests the presence of deeply divided communities under the facades of the political unity of modern states. The article substantiates the thesis that the combined accumulation in the structure of society of minorities consolidated around social status and the growth of the political significance of minority value discourses only at first glance have common roots and are subject to

diagnosis and social therapy by similar methods. The article analyzes the reasons of contemporary institutional preferences in favor of solving the problems of diversity consolidated around social status. It is established that they are predominantly related to the institutional specifics of the modern state. The political potential of decentralized value-motivated actors, their contribution to the social polarization, and the repertoire of political action are considered. An approach to the conceptualization of such actors as discursive coalitions is proposed. The article explains why the state identity policy evades targeting the decentralized actors and suggests possible directions of replenishing the analytical arsenal for their identification, fixation of their requirements, and development of mechanisms for integrating deviant value discourses into the mainstream of unity policy. The article examines the judicial branch as a system directly predisposed to communication with decentralized public discourses, and shows possible ways of its institutional development as one of the central subjects of the state policy of social unity.

Keywords: policy of social unity, civil identity, national-state identity, decentralized value system, discursive coalition, discursive conflict, political values, constitutional patriotism, unity of legal space, judicial branch

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00427/>

For citation: Pankevich N.V. Decentralized Value-Inspired Communities: Towards the Renewal and Institutional Development of the State Unity Policy, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 47-76. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_47

Государственная политика идентичности и проблема децентрализованных сообществ

В периоды масштабных кризисов укрепление идентитарных ресурсов, которые определяют возможности самоотождествления больших масс с социальным целым (Акопов 2022) и на которые властные центры могут опереться в реализации стратегических приоритетов, становится одной из наиболее актуальных задач государственного управления. Эффективная политика в данном направлении предполагает разработку комплекса мер для установления содержательной наполненности и причин возникновения отклоняющихся общественных дискурсов и поиска путей их интеграции в структуру единой гражданской идентичности, превосходящей локальные солидарности и групповые лояльности.

В современных условиях реализация этой задачи часто осложнена накопленным большинством обществ потенциалом социально-демографического сверхразнообразия и ценностного плюрализма. Несмотря на то, что плюралистические конструкции – свобода слова, отказ от государственной религии и идеологии, языковые права, недискриминация или позитивная дискриминация меньшинств, неприкосновенность частной жизни – выносятся в ряд особо защищаемых, в том числе конституционно, оснований общественной жизни, неконтролируемое нарастание их эффектов часто ведет к очевидно дисфункциональным последствиям, разрушающим общественное согласие. Совокупный эффект от процессов

социального дробления и ценностной поляризации позволяет исследователям говорить о наличии глубоко расколотых сообществ под фасадами политических единств современных государств (Кудряшова, Харитоновна 2020).

Сталкиваясь с подобными явлениями, государственная политика единства, опирающаяся на стандартные концепции идентичности, в основе которой лежат национальная история, культура, традиция, обнаруживает свой ограниченный характер и нуждается в существенном расширении инструментального арсенала. При этом центр внимания практического управления сегодня принадлежит именно вопросу интеграции социально-демографических групп, характеризующихся особым социальным статусом, выраженной культурной самобытностью. Это проблема эффективного включения в состав социума различного рода меньшинств, длительно сохраняющих свое отличие на фоне охватывающего сообщества или привнесенных миграционными процессами.

Однако представляется, что задача современной идентитарной политики должна быть сформулирована гораздо шире. Обозначенная проблема сочетанного накопления в структуре общества социальных меньшинств и рост политической значимости миноритарных ценностных дискурсов лишь на первый взгляд имеют общие корни и подлежат диагностике и социальной терапии схожими методами. Требуется не только обеспечить встраивание в социальное целое групп, которые уже обладают выраженной инаковостью, формирующей социальный статус и позволяющей занять определенную позицию в структуре общества. Необходимо также выявить дискурсы, ориентированные на отклоняющиеся от общепринятых интерпретации ценностных оснований социальной жизни, вокруг которых происходит консолидация ранее децентрализованных и дисперсных сообществ.

Значимую часть данной совокупности составляют частные интерпретации публичных ценностей, закрепленных уже в конституционных рядах национальных государств (Блещик, Калинина, Несмеянова 2021). Контестация этих ключевых для политики смысловых комплексов становится крупнейшим вызовом гражданскому и политическому единству. Особенно с учетом того, что субъекты контестации демонстрируют высокую способность к формированию экстратерриториальных сообществ, действующих поверх государственных юрисдикций (Семененко, Лапкин, Пантин 2021: 67).

Проблемным моментом в реализации этой части идентитарной политики является то, что сообщества, объединенные альтернативными ценностными дискурсами, часто не обладают какими-либо выраженными «стационарными» социальными статусами. Последние обычно связывают с расовой, этнонациональной, религиозной, региональной принадлежностью, иноязычием или миграционным опытом, особым местом в поколенческой структуре и рассматривают в качестве формальных индикаторов и естественных интеграторов согласованных «параллельных обществ» (Пронина 2021). Именно в отношении таких групп возникает ожидание стремления утвердить свою особость, различие, партикулярную идентичность по отношению к социальной норме (Осколков 2020: 111).

При этом следует четко осознавать и тот факт, что, хотя «примордиальные» интеграторы могут политически инструментализоваться и в этом качестве представляют значимую проблему, их опасность не является абсолютно фатальной для общественного единства. Консолидированные вокруг социального статуса меньшинства в условиях должного признания могут вполне мирно и эффективно встраиваться в общую канву политического единства, как это показывает опыт становления и существования многоконфессионального, многонационального и регионально разнообразного российского государства. В то же время социально и пространственно дисперсные группы могут демонстрировать очевидное стремление к обособлению на ценностных основаниях, составляя серьезную угрозу общественному единству.

Для выявления децентрализованных сообществ – продуцентов миноритарных ценностных дискурсов не вполне пригодным оказывается также и представление о наличии в обществе эпистемных сообществ (Haas 1992), связанных с определенной функциональной или, что наблюдается чаще, профессиональной принадлежностью, предрасполагающей к ценностной консолидации представителей определенных секторов общественной системы. В этом смысле широко известны примеры влиятельных анклавов в судебных кругах и адвокатуре (Strong 2017), медиа (Usher, Ng 2020), культурной среде, университетах (Gore 2011) – профессиональных сообществах (Коллиер 2021), принимающих на себя функцию экспертного знания и ценностного лидерства.

Однако социальный профиль представителя децентрализованного ценностно мотивированного сообщества не всегда специфичен. Он может совпадать с профилем медианного гражданина по большинству качественно и статистически измеримых показателей. Подобные акторы представляют собой скорее «дискурсивные коалиции» (Dąbrowska 2019), которые группируются вокруг определенных наборов смыслов, сюжетных линий, метафор и интерпретаций (Hajer 2006: 69-70). Такие социальные образования подвижны и нестабильны, в какой-то степени причудливы, но при этом вполне эффективны в формулировании альтернативных способов понимания приоритетов общественной жизни.

Более того, эффективную контестацию официальной интерпретации публичных ценностей вполне способен осуществить даже единственный индивид, действующий в частных интересах. И такие случаи могут вести к организационным реакциям самого высокого уровня. Подобно тому как вопрос о гендерном равенстве применительно к службе женщин в армии¹ привел к изменению Конституции ФРГ. А рассмотренный во внешней инстанции вопрос о равном праве мужчин и женщин, служащих в российской

¹Verwaltungsgericht Hannover, Germany. Tanja Kreil v Bundesrepublik Deutschland. Equal Treatment for Men and Women – Limitation of Access by Women to Military Posts in the Bundeswehr. Case C-285/98. Judgment of the Court. January 11, 2000 // EU law – EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61998CJ0285&qid=1669022903009> (дата обращения: 29.03.2023).

армии, на отпуск по уходу за ребенком² запустил мощный каскад оградительных реакций, затронувших в том числе вопросы государственной правовой автономии и суверенитета³. При этом сам метод контестации официального ценностного дискурса задал определенный стандарт действий для последователей и начал тиражироваться⁴.

В силу первоначальной неразличимости на фоне сообщества субъект подобной активности выпадает из поля зрения программ, сфокусированных на специальных целевых аудиториях – национальных или языковых меньшинствах, коренных малочисленных народах, мигрантах, беженцах, религиозных группах, локальных и региональных культурных идентичностях, профессиональных сообществах, рентных группах и т.д. Именно поэтому ценностное предпринимательство децентрализованных сообществ способно в высокой степени поляризовать социум. Особенно в том случае, когда ориентир, консолидирующий ценностную позицию, формируется за пределами центральной ценностной системы общества и инструментально используется внешним агентом влияния для дестабилизации ситуации в той или иной стране как «деструктивная идеология»⁵. В некоторых ситуациях такая активность способна поставить под удар общественную безопасность на социетальном уровне (Buzan 1991).

Дискурсивные коалиции в политическом конфликте

Потенциал социальной напряженности, который может быть сформирован дисперсными ценностно мотивированными группами, обладает доказанной интенсивностью. Практика сегодняшнего дня, в том числе российская (Давыдов 2022), показывает, что в целом ряде случаев именно конфликт, структурированный вокруг различия в интерпретации публичных гражданских ценностей, определяет политическую повестку дня. Ценностные дискуссии в этой области превосходят по своей остроте традиционные конфликты вокруг вопросов о материальном неравенстве и справедливом распределении рисков и прав доступа к общественным благам (Inglehart 2018). Часто подобная напряженность становится при-

² ECtHR. Case of Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of the Court (Grand Chamber). Strasbourg, March 22, 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Konstantin%20Markin%20v.%20Russia%22%5D%7D> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Валерий Зорькин: Россия должна бороться с внешним «дирижированием» правовой ситуацией в стране // Российская газета. 28.10.2010. URL: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ Гордеев В., Порываева Л. Отцы-силовики выиграли в ЕСПЧ иск о праве на отпуск по уходу за ребенком // ПБК. 08.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e6977b9a7947d296f36a53> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ См., напр.: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ст. 14–17) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2023).

чиной весьма серьезных социальных и институциональных потрясений, ведет к принятию очевидно спорных политических решений и острым социальным реакциям на них. Более того, именно такие ситуации обнаруживают пределы политики идентичности, которая исходит из предполагаемого глубинного исторически определенного единства политического сообщества и наличия в нем стабильного в ценностном отношении социального большинства.

Примером тому события в Польше, где пролайферские решения правящей элиты, получившие свое закрепление в очередном весьма существенном ограничении права женщин на прерывание беременности, исходили из явно необоснованного оптимизма в отношении духовного водительства Церкви в обществе и завышенной оценки католической ориентированности большинства населения страны. Внедрение в законодательство новых норм в указанной области привело в 2020–2022 гг. к массовым регулярным протестам с высокой интенсивностью противостояния граждан и силовых структур, причем сами протестующие прямо определяли сложившуюся ситуацию в терминах гражданской войны⁶.

Польский протест обнажил высокую конфликтность между стратегиями государственной демографической политики, гарантиями права на жизнь, здоровье, достоинство, ценностями гендерного равенства, религиозными догматами и свободой вероисповедования. В более опосредованном виде он обнаружил зазор между политическими ценностями представительного характера власти и реальной подконтрольностью ее решений массовому обществу. Или по крайней мере той его части, которая наиболее чувствительна к принятым решениям, что неизбежно провоцирует вопрос о качестве демократического правления (В.Н. Руденко 2021). А на более фундаментальном уровне протест поставил вопрос о действительности глубинного единства, укорененного в истории страны и ее традиционных ценностях, при однородном в иных отношениях социальном составе польского общества.

Показательный пример дает и опыт Франции, где законодательные усилия в ответ на повышенное общественное внимание к вопросам общественной безопасности перед лицом массовых угроз реализовались в 2021 г. в так называемом законе о глобальной безопасности⁷. Правительственные решения операционализировали ценности социального порядка в категориях расширения гарантий для служащих силовых структур, запрета на их деанонимизацию при исполнении служебных обязанностей и раскрытие личностей членов их семей. Очевидно, что утвержденные правительственным центром меры вошли в критическое противоречие с целым рядом ценностных установок

⁶ Полина И. «Это война»: в Польше судебное решение по поводу абортов вызвало небывалые протесты // ТАСС. 27.10.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9826079> (дата обращения: 29.03.2023).

⁷ Sécurité globale (dépôt: le 26 octobre 2020; publiée au Journal Officiel du 26 mai 2021) // Assemblée nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/dossiers/alt/securete_globale1 (дата обращения: 29.03.2023).

гражданского плана. Среди них заметны единство правового пространства, равенство и обращенность законодательных норм ко всем гражданам, свобода слова, собрания и печати, установленная в стране еще в 1881 г., противодействие властной коррупции и определение пределов вмешательства в частную жизнь.

Траектория принятия законопроекта Национальным Собранием, одобрение Сенатом, дальнейший отзыв и вступление в процесс Конституционного Совета Франции являются результатом явного дефекта в оценке законодателем наличного общественного консенсуса, предположительно основанного на приоритете коллективистских ценностей безопасности перед гражданскими свободами. В результате массовые уличные протесты в ответ на предложенные обществу решения стали одним из непредвиденных и при этом ключевых последствий.

Взаимодействие различных смысловых компонентов в рамках общественной дискуссии о гражданских ценностях открывает новые, непредсказуемые линии противостояния внутри существующих конфликтов. Так, вето британского правительства на принятый в Шотландии закон о признании смены пола, по сути сводящий эту процедуру к самодекларации, привело к взаимоусилению радикальной гендерной повестки и региональных сепаратистских устремлений. Данный конфликт вносит определенный вклад в подрыв регионального единства страны, которое и до того было достаточно шатко в свете результатов референдума 2014 г. о сохранении Шотландии в составе Соединенного Королевства. Между тем сторонники принятия проблемного регионального закона аргументируют его необходимость с позиций равенства, социальной справедливости и недискриминации, ценностей представительной демократии и законодательного процесса в рамках демократически избранного правительства. Парадоксально, но и инициаторы вето исходят из тех же ценностных принципов, но в иных содержательных трактовках и апеллируя к другим аудиториям⁸.

Консолидация децентрализованных ценностно мотивированных акторов и их выход в большую политику не являются проблемой отдельных стран. Радикализация требований в области прав человека, связанная с приоритизацией разнообразия, обнаруживает потенциал экспансии в самые различные области через навязывание специфических кадровых стратегий в структурах государственного управления, общественно значимых секторах экономики, образования и культуры (Дроздова 2021). Практически повсеместно возникают и заявляют о себе как субъекте равных прав в области имущественных отношений, наследования, налогообложения, государственных программ помощи в обеспечении жильем, доступа к усыновлению и репродуктивным технологиям сообщества, практикующие нетрадиционные форматы частной жизни. В отдельных юрисдикциях их ак-

⁸ Donaldson K. Sunak Blocks Scotland's Transgender Bill, Angering Nationalists // Bloomberg. 16.01.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-16/sunak-blocks-scotland-s-gender-bill-stoking-nationalist-ire?srnd=premium&srref=XNB4Nygi> (дата обращения: 29.03.2023).

тивность достигает явного успеха на уровне решений в судебных органах⁹ и далее в государственных парламентах¹⁰.

Наблюдается и повышение роли альтернативных медицинских и экологических повесток, в рамках которых активисты предпринимают действия, выходящие далеко за рамки упорядоченного политического диалога. Это не только ставшие привычными акции, призванные привлечь внимание к конкретным злоупотреблениям, событиям и этически чувствительным практикам, но и такие действия, как блокирование производств и компаний, транспортной инфраструктуры, саботаж международных соглашений о строительстве инфраструктурных объектов, несанкционированное уничтожение и порча этически сомнительных товаров. В репертуар протестного действия входят даже такие универсально признаваемые преступления, как акты пиратства¹¹.

Несмотря на значительное содержательное разнообразие новых политических повесток, их объединяет возможность в отсутствие единого официального и обязывающего видения сформулировать конфликтную интерпретацию публичных ценностей или радикализовать конфликты внутри их отдельных компонентов. Принципиально, что деструктивный потенциал политических и законодательных решений, основанных на неверной оценке актуального соотношения официального ценностного дискурса и миноритарных ценностных повесток в области гражданских прав, обнаруживается преимущественно постфактум. Перед лицом неожиданного массового уличного протеста различного рода радикалов и экстремистов, который становится предметом компетенции уже силовых ведомств. При этом очевидно, что лишь ужесточение законодательства, регулирующего протестную активность, не является оптимальным выбором в проведении политики единства, поскольку еще интенсивнее вытесняет эту деятельность из публичного поля и тем самым способствует нарастанию коммуникативного разрыва между властью и соответствующими частями общества (Казанцев 2022).

Развитие ценностного конфликта ведет также к становлению и процветанию социально нежелательных теневых секторов экономики. Примером тому коммерческий успех некоторых направлений польского медицинского туризма и откровенно криминального «абортного подполья». Тот же конфликт в условиях непримиримости радикальных экологических

⁹ Fisher D. Supreme Court Rules Same-Sex Marriage Is a Constitutional Right // Forbes. 26.06.2015. URL: <https://www.forbes.com/sites/danielfisher/2015/06/26/supreme-court-rules-same-sex-marriage-is-a-constitutional-right/?sh=1030dfdcdd0> (дата обращения 29.03.2023).

¹⁰ U.S. Supreme Court. Obergefell v. Hodges. Docket No. 14-556. Decided: June 26, 2015 // Justia US Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/576/14-556/>; Karni A. Bill to Protect Same-Sex Marriage Rights Clears Congress // New York Times. 08.12.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/08/us/politics/same-sex-marriage-congress.html> (дата обращения: 29.03.2023).

¹¹ Шестаков Е. МИД РФ назвал вердикт по Arctic Sunrise поощрением пиратов // Российская газета. 25.08.2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/25/verdikt-site.html> (дата обращения: 29.03.2023).

позиций и повесток в области прав человека с интересами развития экономики результирует в осложнении инвестиционного фона отдельных регионов и индустрий, невозможности создания рабочих мест, развитии ресурсного и товарного дефицита, неконтролируемом росте цен в инфраструктурных секторах, включая энергетический. Значимым негативным последствием конфликтов вокруг децентрализованного производства ценностных дискурсов становится и «голосование ногами» – исход части населения той или иной страны в юрисдикции, которые распознаются как более удобные и идейно дружественные.

Государствоцентричный нарратив о политическом сообществе

Приведенные примеры показывают, что осуществление политики единства сегодня характеризуется определенной односторонностью. Представляется, что недоучет политического потенциала децентрализованных ценностно мотивированных акторов напрямую связан с институциональной спецификой самого института государственности. Сегодня понимание политического сообщества во многом задано доминированием организационной формы государства в его современной ипостаси «социальной клетки» (Mann 1993: 61) – системы правительственных институтов, удерживающих демографически определенное, поддающееся визуализации и документированию, территориально специфическое сообщество реальных лиц и групп, объединенное общим интересом и долговременной стратегией. В этом направлении особое значение для идентитарной политики предсказуемо приобретает смысловой комплекс исторического пути, коллективно пройденного сообществом в его транспоколенческой полноте, и необходимости преодоления его разрывов. Совместное переживание побед и массового травматического опыта, совладание с вызовами завоевания, ига, обретение свободы и сохранение уникального строя перед лицом разрушающих социальное единство импульсов формируют представление о политическом единстве в форме «нации соотечественников» (Хабермас 2001).

Дискурс историзма, присущий этому изводу политики единства, распространен весьма широко и, по-видимому, представляет собой конституирующую часть процесса огосударствления и национализации мирового политического пространства (Панкевич 2022). В этом представлении заложенные в глубоком прошлом силовые линии, сформировавшие государство и закалившие характер его граждан, транслируются в актуальную повседневность, создавая ключевой троп «сообщества судьбы», единство которого предопределено коллективным опытом и направлено в будущее.

Данная перспектива формирует особый стратегический нарратив¹² о политическом сообществе и его единстве. Официальные дискурсы в рамках данной концепции определяют его как материальную предпосылку соот-

¹² Здесь термин «стратегический нарратив» понимается как смысловой комплекс, позволяющий управлять ожиданиями, структурировать реакцию на развивающиеся события (Freedman 2006: 22). Его основной управленческой функцией стано-

ветствующей ему идентичности государства и объясняют через различия в окружающей природной и социальной среде за пределами сообщества. В этом смысле идентичность и ценностное единство являются не характеристикой или атрибутом сообщества, требующими управления и культивирования, но фундируют его (Панкевич, Руденко 2021).

В свою очередь, такое понимание единства кодирует вполне конкретные практики государственного управления, которые в своей совокупности можно характеризовать, в терминологии М. Фуко (Фуко 2006), как технологии населения, ориентированные на производство стандартизированных граждан, «чьей лояльности нации не будет мешать внесоциетальная принадлежность» (Robertson 1990: 49). Очевидно, что такая парадигма единства предполагает разрыв с субгосударственной территориальной и социальной локальностью – местным обычаем или любой миноритарной солидарностью. В этом движении она означает стремление к согласованной тотальности общества, непротиворечиво удерживающей все возможное ценностное многообразие в качестве частных деполитизированных случаев общности в ее этноконфессиональном, региональном, социальном, поколенческом плюрализме.

Неизбежным следствием данной техники будет стабилизация нормативных ожиданий о наличии и действительности определяющего исторически сложившегося социального большинства и необходимости встраивания отклоняющихся социальных групп в общую канву ориентированной на государство идентичности. Конституирующий миф об изначальности и действительности единства ставит в центр государственной идентитарной политики проблему преодоления исторически неразрешенного и незавершенного социального раскола ассимиляционными практиками или интеграцией отклоняющегося социального элемента на особых условиях.

Фиксированность современной государственной политики единства именно на проблеме отклоняющегося в социальном отношении и сплоченного вокруг социального статуса меньшинства вполне понятна. С одной стороны, проблема меньшинства часто приобретает длящийся характер, особенно в государствах, которые стали наследниками империй с их этнически и культурно пестрым населением. И потому, несмотря на то что политические стратегии миноритарных акторов могут результировать в весьма болезненных для государства эффектах, включая региональные сецессии, на эти контингенты невозможно в полной мере распространять тотализирующий характер коллективного опыта, травм поколений, совместных эмоциональных переживаний от побед и поражений.

С другой стороны, возрастает зазор между ценностными требованиями исторического ядра политического сообщества и реальными стратегиями растущих в числе и требующих признания меньшинств, привнесенных миграционными процессами. Популистские требования, основанные

вится «...семантическое программирование политического опыта и (производство) взаимосвязанного комплекса взаимных ожиданий, способов и схем включения индивидов в политические сообщества... посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени» (Завершинский 2019: 102).

на представлении об уязвимой культуре и ценностях большинства, а также чуждом атакующем меньшинстве, легитимируют себя через обращение к истории государства и набирают силу по всему европейскому континенту.

Данное видение находит поддержку в обществах, уставших от диспропорционального подъема значимости консолидированных меньшинств. Продолжающийся успех «Альтернативы для Германии» в обществе, где денационализированная культура толерантности и принятия «другого» сознательно культивируется «сверху» в нескольких послевоенных поколениях, – лишь один из примеров такого развития. В его основе критические расхождения между наличными представлениями о ценностях в понимании политической элиты и населения, конфликт между ориентированной на государство массовой потребностью в секьюритизации национального политического пространства, исторической травмой нацизма и реальным социальным разнообразием и ценностным плюрализмом общества.

Реакции на подъем значимости консолидированных вокруг стационарного различия миноритарных акторов часто интерпретируются как свидетельство нарастающих радикалистских тенденций. Однако в действительности это оказывается очень консервативной и в ценностном, и в организационном отношении реакцией на проблему. Очевидно, что в этом движении и идентитарная политика центров, и альтернативное ее видение со стороны оппонентов оказываются заключены в одну и ту же стандартную парадигму изначальности единства как «достоверного» факта, обладающего учредительной силой. В итоге на первый план политического процесса выдвигаются требования большей интеграции и обязывания отклоняющихся меньшинств перед «большим сообществом», исходя из определенных историзированных интерпретаций ценностей, присущих тому или иному государствоцентричному социуму.

Политика единства и вызов традиционализации

Общей чертой подобных программ является, во-первых, реактивная национализация внутривнутриполитического пространства под эгидой государства. И, во-вторых, традиционализация публичных политических ценностей как естественный ответ на проблему накопления сплоченных вокруг статуса меньшинств. Этот путь не является беспроблемным.

На первом плане политического процесса традиционализация способствует возвращению в центр публичной политики таких ранее деполитизированных тем, как модели семейных отношений, правовые условия вступления в брак, страновые форматы гендерного равенства в их функции элементов «права почвы», легитимирующих социальный порядок исторически сложившейся «здесь» политической общности. Примером тому изменения в области регулирования законодательства о браке и семье в Швеции с жесткой фиксацией минимального брачного возраста. Очевидно, что меры подобного толка обращены преимущественно к социальным практикам мигрантов в целях вытеснения их за пределы правового поля. Или крупные законодательные изменения в области семейных отношений в Венгрии, где

они приобрели статус конституционной реформы. Той же природы многолетняя история вокруг референдума о семье в Румынии, целью которого стала конституционализация традиционной модели семейных отношений (Norocel, Băluță 2021).

Однако на этом пути традиционализация вступает в сложные отношения с не менее значимыми для современных обществ нарративами прогресса, плюрализма, индивидуальных прав и свобод. Она возвращает в центр политики единства вопрос о фундаментальных гражданских правах и их содержательной наполненности в собственном качестве. В этой синергии возрастает политизация повесток о соотношении индивидуальных и коллективных прав, о равенстве и справедливом их распределении. Это дискуссия о родительских правах и общественных приоритетах в воспитании и образовании – поляризация обществ по вопросам о ювенальной юстиции (Троянова 2019), о наилучших интересах ребенка и локусе их представительства (Tolonen, Koulu, Hakalehto 2020) и т.д.; дискуссия о медицинском вмешательстве, в том числе обострение вопроса о субъекте решения о вакцинации несовершеннолетних в период пандемии (Панкевич, Руденко 2022). Поляризующий эффект имеют дискуссии о перспективах де/криминализации домашнего насилия, равного доступа меньшинств к репродуктивным технологиям, усыновлению и пр. В итоге методы преодоления проблемы исторического консолидированного разнообразия вносят свой вклад в формирование новых линий противостояния.

Остроту момента задает то обстоятельство, что, опираясь в первую очередь на идеализированные или, скорее, мифологизированные представления о культурно-исторической специфике гражданского большинства, страновые политические элиты не вполне адекватно оценивают текущие ценностные установки и ориентации больших масс населения. Естественно, речь не идет и не может идти о принципиальной несовместимости в рамках государственной политики единства ценностных рядов культурно-исторического и публично-гражданского генезиса. Один и тот же социальный субъект может в зависимости от ситуации оперативно актуализировать каждый из них. Эти два дискурса о единстве логически отражают различные стороны функционирования общественных отношений, и только в своей совокупности они составляют полноценный образ государствоцентричного сообщества. Однако нарастающая напряженность между ними очевидна.

Вытеснение дискурсивного конфликта в политике единства

В этих условиях возникает необходимость более полного и целостного понимания содержательной наполненности самой концепции политического сообщества в основе современной государственности. Корни проблемы, на наш взгляд, стоит искать в том факте, что в известном смысле сообщество, политически признанное в лишь качестве исторически возникающей тотальности, выступает антагонистом социума, актуально существующего в форме открытой для включений и подвижной ассоциации, основанной на обменах, коммуникации, конкурентном

процессе выработки смыслов, порождения конфликтов и их согласования. В условиях наблюдаемого сегодня доминирования историко-культурной парадигмы единства, альтернативный стратегический нарратив об общест­ве как системе, возникающей в режиме «ежедневного плебисцита» вокруг непрерывного производства ценностных дискурсов, оказывается вытеснен на периферию политики единства.

Эта проблема имеет и более глубокое измерение. Если актуальное состояние гражданской идентичности в первую очередь представляется результатом накопления исторических обстоятельств и длительной аккумуляции их итогов и лишь во вторую – воплощением текущих ценностных коммуникаций и вновь возникающих вокруг них солидарностей, то слепым пятном в этой технике становится признание самой возможности ценностных размежеваний внутри центрального компонента социума, аксиоматически наделенного предполагаемыми качествами ценностного единства.

Специфика проблемной ситуации заключается в том, что решению проблемы статусно консолидированных меньшинств сегодня служит целый ряд методологически отработанных инструментов, институтов и практик. Тогда как политика единства в отношении миноритарных ценностных дискурсов, которые объединяют ранее децентрализованные субъекты и определяют содержательную наполненность ценностного конфликта, оказывается методологически и инструментально недоукомплектованной.

Так, сегодня государства формируют полномасштабные системы для работы с проблемой статусного социального разнообразия – от выявления меньшинства до реализации конкретных программ коммуникации с ним. Политическое признание значимости размежеваний, характерных для того или иного общества, сопровождается институционализацией целых научных направлений (Фадеева, Назукина 2020), стандартизацией метрик, используемых для анализа состояния общественного консенсуса и выработки интеграционных политик, а также отбором субъектов и институтов – проводников соответствующей политики (Миллер 2019).

Российский официальный дискурс, например, исходит из признания высокой степени социального разнообразия, исторически присущего стране. Именно это мирно сосуществующее и кооперативное разнообразие внутри многонациональной и многоконфессиональной общности российского народа становится особой опорой, консолидирующей общество¹³. В этом контексте аналитика идентичности социологически связана с практикой учета (в виде переписей населения, мониторингов этнонациональных и этноконфессиональных отношений, проблематики коренных и малочисленных народов, проблем языковой политики, поиска оптимальных правовых статусов для соотечественников, беженцев, мигрантов) и дальнейшего регулирования текущих и незавершенных расколов этнонационального и

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (преамбула) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 01.04.2023).

этноконфессионального характера как главенствующего фактора, препятствующего достижению единства российской нации. Совершенно неслучайной выглядит в этом ключе траектория выработки тактик формирования общественного единства в РФ, которые в конечном счете были локализованы в области регулирования межнациональных отношений (Лубский, Посухова 2016) и именно в этом виде интегрированы в процессы программно-стратегического планирования.

С момента издания «майских указов» Президента РФ в 2012 г. реализация национальной политики привела к формированию разветвленной системы с высокой степенью институционализации, предназначенной для реагирования на вызов этнокультурного разнообразия, поликонфессиональности и многоязычности пространства страны. Ее институциональную основу составили Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ и его аналоги при главах субъектов Федерации, Федеральное агентство по делам национальностей, сеть домов дружбы народов, способствующих вовлечению в процесс коммуницирования идентичности широкого круга общественных организаций, развитое экспертное сообщество для мониторинга ситуации в области межнациональных отношений и т.д.

В свою очередь, тренд на историзацию и опора на традиционные ценности также являются одной из наиболее значимых тенденций развития идентитарной политики в России. Очевиден интерес государства к интегрирующему потенциалу политики памяти, символической политики, который отразился в целом ряде действий – от институционализации отношений с историческим экспертным сообществом (Малинова 2019) до принятия Основ государственной политики по сохранению духовно-нравственных ценностей¹⁴, отражающих специфику сегодняшней стратегии в области идентитарной политики. Одним из последовательных проводников подобной политики является Государственная Дума, где в 2022 г. была воссоздана межфракционная рабочая группа по защите христианских ценностей, которая видит своей задачей соотносить в законотворческом процессе «не только соображения об эффективности, но и представления о морали, заложенные в русском культурном коде»¹⁵. Именно эти желательность и нормативность отражены в определении идентичности на уровне программно-стратегических документов как осознания гражданами их принадлежности к государству, народу, обществу, приверженность его базовым ценностям¹⁶.

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁵ В Думе появится рабочая группа по совершенствованию норм о защите христианских ценностей // ТАСС. 14.02.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13704067> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 01.04.2023).

Для решения части задач политики единства такой подход, безусловно, адекватен и функционален. Однако обозначенный уклон не только соответствует определенному запросу на осуществление политики единства преимущественно в ее национально-историзированной версии, но и приобретает собственную организующую способность в отборе конкретных практик и определении приоритетности части из них, создает институциональные предпочтения и алгоритмы селекции агентов идентитарной политики (Телин, Филимонов 2020).

Очевидно, например, что потенциал исторического опыта может быть реализован преимущественно через настойчивую актуализацию и трансляцию в массовое сознание как на нормативном и законодательном уровне, так и далее через механизмы всеобщего образования, массмедиа и массовой культуры. В рамках этой стратегии производство дискурса о единстве социального большинства и скрепляющих его смыслов становится скорее рутинной задачей массовой педагогики в ее широком понимании, а не текущей политики. Свидетельством тому обновление ФГОС с его обогащением смысловыми комплексами российских традиционных духовно-нравственных ценностей¹⁷.

Но проблема углубляется тем, что одновременно возникающий дефицит признания политического сообщества как продукта актуальной ценностной коммуникации кодирует сопутствующий недостаток инструментария для интеграции в единое смысловое поле национально-государственной общности ценностных комплексов, продуцентом которых является децентрализованный субъект, а продуктом – дискурсивная коалиция, политически активное ценностно мотивированное сообщество. Ни один из перечисленных инструментов аналитики и политики единства не оказывается обращен непосредственно к нему. Хотя укрепление солидарности вокруг ключевых гражданских ценностей, безусловно, является также важной предпосылкой смягчения противоречий, связанных с наличием в структуре общества консолидированных меньшинств (Дробижева 2017: 27). При этом встраивание меньшинств в социальное целое в условиях, когда консолидация большинства оказывается весьма условной в свете множественных ценностных противоречий, уже само по себе представляет большую социально-технологическую проблему (Ходинова 2019: 180). Общество, расколотое миноритарными дискурсами в области ключевых публичных ценностей, утрачивает само ядро консолидации. Ключевой вопрос государственной политики в отношении статусно консолидированных меньшинств – их позиция в структуре общества, особые права, объем и режим доступа к общественным ресурсам – не может быть эффективно разрешен в условиях конфликта по поводу самих основополагающих принципов обществен-

¹⁷ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 01.04.2023).

ного устройства. В итоге латентный ценностный конфликт, генерируемый децентрализованным субъектом, потенциально несет большую опасность, чем конфликт относительно аллокации общественных ресурсов и благ.

Возможности аналитики дискурсивных конфликтов

Политика единства оказывается разбалансированной и односторонней уже на уровне своих фундаментальных установок относительно качественных характеристик современного политического сообщества. Между тем понимание динамики смыслового наполнения гражданских ценностей различными социальными и политическими акторами определяет перспективы обеспечения национального единства, как минимум наравне с эффективной политикой коммуникации с меньшинствами, объединенными социальным статусом, и дискурсивного конструирования социального большинства, в отношении которого формируется нормативное ожидание единства.

В подобной аналитической ситуации важнейшей задачей становится формирование единства и общественного консенсуса в понимании внутригосударственных норм о фундаментальных правах, а также норм об основах конституционного строя¹⁸, конституционной идентичности, которая и сама является критически значимой ценностью¹⁹, требующей адекватной защиты, стратегического планирования и развития.

Представляется, что эта сторона государственной политики единства для своей реализации требует принципиально иных аналитических подходов, организационных ресурсов и инструментов интеграции, а также предполагает вовлечение иного состава акторов, уполномоченных на ее реализацию. Давно назрела потребность в поиске метрики для выявления альтернативных официальному дискурсу интерпретаций ключевых публичных ценностей, вокруг которых происходит консолидация ранее децентрализованных и социально дисперсных акторов, а также в дальнейшем формировании механизмов их интеграции в общее русло ценностной системы общества. Однако, несмотря на важность и значимость данного направления государственных идентитарных стратегий, инструментарий диагностики социальной ситуации и выработки на ее основе конкретных направлений и мер политики единства в этом направлении остается довольно скудным.

Социологические подходы, раскрывающие специфику гражданской идентичности, представлены по большей части опросами, фиксирующими

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П (п. 6) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201507170018> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П (п. 2) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200011> (дата обращения: 01.04.2023).

уровень доверия общественным институтам и чувство субъективной принадлежности к широким гражданским ассоциациям (см., напр.: Рыжова 2022) со всеми содержательными дефицитами, свойственными подобным исследованиям. Очевидно, что часто используемый для характеристики состояния гражданской идентичности индикатор институционального доверия фиксирует скорее эффект от действия механизмов ценностной интеграции. Но сам факт лояльности общества определенным институтам и общностям не может ничего сказать о собственно содержании и возможностях формирования альтернативных интерпретаций политических ценностей, курсирующих в массовой неформальной коммуникации.

Недостатком предлагаемого в качестве значимого инструмента диагностики общественной ситуации в рассматриваемой области ивент-анализа (Семенов 2018), который сфокусирован на изучении опыта реальных событий, связанных с протестной активностью, является его ретроспективность и обращенность к материалу, который в силу своей специфики всегда является единичным и уникальным.

Внимание исследователей привлекают метрики, основанные на обработке больших массивов данных о ценностных дискуссиях в электронных средах. Но и они не всегда могут быть состоятельны в условиях активного действия механизмов содержательной фильтрации. И, прежде всего, цензуры посредством машинных алгоритмов, которые внедряются медийными элитами с вполне очевидной целью устранения значимой части общественных повесток и отказывают им в праве голоса в дискуссионном пространстве, а также самоцензуры пользователей в условиях политического и социального контроля, как это показывает, например, китайский опыт (Чу 2022).

В то же время наблюдения за процессами интеграции дисперсных сообществ показывают, что именно дискурсивные практики, создание собственных языков, системы сигнализации и коммуникации ценностей имеют принципиальное значение для их стабилизации и определяют способность к мобилизации и солидарному действию (Сабурова и др. 2022: 93). Иными словами, принципиальной проблемой в реализации политики единства в отношении миноритарных дискурсивных коалиций является в первую очередь выявление содержательных отклонений в интерпретации публичных ценностей, которые они генерируют.

Между тем современная общественная система уже содержит необходимые моральные институты, непосредственно предназначенные для выявления, фиксации и разрешения конфликтов, связанных с миноритарными дискурсами, объединяющими социально и пространственно дисперсные группы. В наиболее эксплицитной форме дискуссии о гражданских ценностях разворачиваются на национальном уровне в деятельности органов конституционной и гражданской юстиции. А на международном – в конвенционных инстанциях правосудия, осуществляющих в пределах своей компетенции субсидиарное регулирование споров, не нашедших разрешения в рамках национальных систем. Судебные инстанции прямо предназначены для выявления не только юридического, но и этического

баланс прав, обязанностей, свобод, ценностей, а также имеют системно гарантированную возможность вырабатывать их обязывающее видение. При этом ключевые методы исследования конфликта – интерпретация нормы, содержательный анализ ее констатации – предельно соответствуют задаче выявления и коммуникации с продуцентом альтернативного дискурса. Немаловажно и то, что сегодня государства формируют чрезвычайно сильное нормативное ожидание единства своих правовых систем, что является критически значимым для выработки решений, не просто совместимых с государственной политикой единства, но фундирующих ее.

Иными словами, эти институты принципиально предрасположены к распознаванию ценностного конфликта, анализу его содержательной стороны и выработке тактик его преодоления, которые могут стать эффективной диалоговой площадкой государства и общества за пределами парламентов, лоббизма решений в исполнительных органах или участия в совещательных инстанциях. Однако, несмотря на то что система юстиции уже на конституционном уровне предназначена для реализации принципов общественного единства в качестве системы разрешения споров, ее потенциал в качестве источника знания о производстве и содержании альтернативных ценностных дискурсов в области гражданских ценностей и возможностях консолидации отдельных сегментов социума вокруг них сегодня оценен недостаточно. Материал подобного рода редко привлекает внимание исследователей в плане изучения проблем идентичности и еще более редко используется в качестве качественной метрики для диагностики общественной ситуации вокруг ключевых политических ценностей.

Это исключение характерно для правоведения, поскольку как предположение о влиянии политических процессов на принятие правовых решений, так и утверждение роли судебной отрасли в политическом процессе в рамках устоявшихся представлений о функциональном разделении властей уже сами по себе оказывают повреждающее воздействие на легитимность судебных органов (Gerards 2017). В то же время политические науки обычно рассматривают деятельность судебных инстанций в логике корректирующей справедливости, не выходящей за пределы частных случаев, связанных с реабилитацией конкретных пострадавших.

Тем не менее именно анализ организационного потенциала судебной ветви власти в области реализации политики единства, на наш взгляд, оказывается исключительно полезным для прояснения актуальных ценностных ориентаций, формирующихся в обществе децентрализованным образом, и содержательного выявления потенциальных конфликтов задолго до их перехода в горячую стадию. В этом качестве система правосудия важна не только возможностью выработки конкретных обязывающих интерпретаций и решений, но и в качестве механизма рутинизации ценностного конфликта и организации конструктивной, упорядоченной и процедурно обязывающей коммуникации между сторонами в ходе его разрешения.

Ценностные контестации и система правосудия

Представляется, что в данном смысловом поле анализ может быть сосредоточен на исследовании ситуаций, в которых обозначенный конфликт выражен наиболее эксплицитно: в форме прямого содержательного столкновения официального дискурса о гражданских правах и ценностях (позиции государства, транслирующего представления о ценностях с позиций национального единства) и альтернативных трактовок, выдвигаемых гражданским субъектом. Принципиально, что разрешение ценностного противоречия происходит даже в случае инициативного обращения единственного заявителя, а ситуация исследуется при участии институционально независимого арбитра с чрезвычайно высоким системным статусом и престижем, чье решение является обязательным для сторон конфликта, а также иных органов, институтов, организаций, лиц и публик. Причем сам арбитр максимально открыто и содержательно обосновывает свою позицию, исходя из нормативных представлений о должном содержании оспариваемой ценности и адекватных практиках ее защиты в рамках конкретных ситуаций в интересах общего блага.

Предельно отчетливо специфика государственной конституционной идентичности обозначает себя в ситуации содержательных разногласий судебных органов национального уровня с решениями международных судов. Такова, например, ситуация вокруг судебной интерпретации права на жизнь в Польше, которая отразилась в противоположно заряженных решениях Конституционного Трибунала, занявшего жесткую, отчасти дисфункциональную, прокатолическую позицию (В.В. Руденко 2021), и Европейского Суда по правам человека, который в решении столь чувствительного вопроса в целом ряде дел исходил из приоритетов индивидуальной свободы²⁰. В той же системной логике конфликт ценностей безопасности и гражданских свобод во Франции привел к вступлению конституционного судебного органа страны в процесс определения судьбы сомнительного законопроекта о глобальной безопасности. Предметом национальных и международных судебных слушаний становились вопросы аллокации решений в отношении прав и интересов в области воспитания и медицинского обслуживания несовершеннолетних между семьей и общественными институтами²¹. Глубокой содержательной оценке подвергались многочисленные ситуации с реализацией языковых прав в европейских странах как конфликтного поля на стыке публичной по-

²⁰ ECtHR. Case of *Tysiąg v. Poland*. Application no. 5410/03. Judgment of the Court. Strasbourg, March 20, 2007 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Tysiąg%20v.%20Poland%22%7D%7C%22Case%20of%20R.R.%20v.%20Poland%22%7D%7D>; ECtHR. Case of *R.R. v. Poland*. Application no. 27617/04. Judgment of the Court. Strasbourg, May 26, 2011 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20R.R.%20v.%20Poland%22%7D%7D> (дата обращения: 03.04.2023).

²¹ ECtHR. Case of *Vavříčka and others v. the Czech Republic*. Application no. 47621/13 and 5 others. Judgment of the Court (Grand Chamber). Strasbourg, April 8, 2021 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Vavříčka%20and%20others%20v.%20the%20Czech%20Republic%22%7D%7D> (дата обращения: 03.04.2023).

литики и гражданских прав²². Активную позицию собственно ценностного арбитра занимают суды США, как в области интерпретации состава неотчуждаемых прав, так и в реализации гражданских свобод²³.

Зримое повышение функционального статуса судебной власти как субъекта политики гражданского единства сопровождается определенными адаптациями представлений о месте и роли органов правосудия в системе разделения властей в целом, а также обновлением представлений о надлежащем формате судебного процесса, который становится особо чувствительным к распознаванию и разрешению ценностного конфликта в рамках рутинных дел. Так, суды США (White 2006) и Соединенного Королевства (Зайцев 2018: 64), сталкиваясь с делами, которые содержат элемент конфликта в области интерпретации прав человека, возможность их ущемления законом или судебным решением, прибегают к процедурам углубленного рассмотрения дел, в том числе чисто гражданско-правового характера. В этом смысле деятельность судебных инстанций вносит существенный вклад не только в решение вопросов институциональной сплоченности и единства правовой системы, но и в формирование ассоциативной гражданской идентичности, предполагающей объединение общества вокруг нормативной интерпретации гражданских ценностей (Hyde 2023). В ряде случаев они занимают активистскую позицию, вырабатывая инновационное или эволютивное прочтение действующих правовых норм (Дьяченко 2020), что позволяет говорить о становлении нового качества системы правосудия в политическом процессе.

Современный российский опыт показывает, что потенциал системы юстиции как возможного центра стратегического формирования политики единства реализован далеко не в полной мере. В российских реалиях она нуждается в комплексном и последовательном институциональном развитии с позиций восполнения дефицитов доступности, открытости, независимости и общественной прозрачности системы разрешения споров. Сегодня система юстиции в целом институционализирована не в качестве одного из ключевых субъектов политики общественного единства, но лишь как субъект единства правового пространства страны. Последнее подразумевает работу по устранению противоречий между правовыми нормами внутри корпуса права, мониторинг законотворческой деятельности и правовую экспертизу²⁴. Однако единство подразумевает не только институциональную

²² Кармазин И. Последний звонок: ЕСПЧ потребовал от Латвии объяснить школьную реформу // Известия. 25.03.2021 URL: <https://iz.ru/1141149/igor-karmazin/poslednii-zvonok-espch-potreboval-ot-latvii-obiasnit-shkolnuiu-reformu> (дата обращения: 03.04.2023).

²³ Smith D. Supreme Court Voted to Overturn Roe v Wade Abortion Law, Leaked Draft Opinion Reportedly Shows // The Guardian. 03.05.2022. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/may/02/roe-v-wade-abortion-supreme-court-draft-opinion> (дата обращения: 03.04.2023).

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067104> (дата обращения: 03.04.2023).

сплоченность системы государственного управления в рамках согласованной системы норм. Оно также имеет ценностное измерение, которое приобретает непреходящее значение в свете тех новаций, которые внесены в правовую систему конституционной реформой 2020 г.

Повышение системной значимости требуется и для усиления эффективности конституционного правосудия. Сегодня исследователи высказывают мнение, что деятельность Конституционного Суда характеризуется скорее закрытостью от внешних наблюдателей, труднодоступностью для граждан, подверженностью кадровым заменам, малочисленностью, что способствует сведению роли высшего органа, конституционно уполномоченного осуществлять выработку обязывающих интерпретаций конституционных ценностей, «к политико-конъюнктурному органу» (Руденко 2020: 80) и вряд ли соответствует его системному статусу и потенциалу регулирующего действия.

В настоящее время в России на национальном уровне нет органа, который бы профильно разрешал споры в области прав человека. Предложение учредить подобную судебную инстанцию поддержано Президентом РФ²⁵, но при этом достаточно скептически воспринято юридической общественностью в силу трудоемкости реализации проекта с точки зрения включения его в действующую судебную систему, необходимости определения особой сферы компетенции для подобного органа. Между тем представляется, что именно такой орган мог бы быть чрезвычайно полезен и как собственно судебный, и как метрический. А также барьерный, исключающий необходимость и возможность обязывающей интерпретации ценностей и прав внешними акторами и последующее появление несовместимых с государственной политикой единства решений с высоким международным резонансом.

Характерно и отсутствие достаточной структурной поддержки полномасштабного функционирования конституционной ветви правосудия в интересах формирования единого правового дискурса о ценностях и их действительном содержании. Такая система должна быть функционально ответственна за выявление и подготовку качественного материала для работы суда, мониторинг судебных решений и их коммуникацию с профильными аудиториями, а также при необходимости иметь выход в законодательный процесс. Это предполагает создание сети институтов, звеньями которой могут стать омбудсмены всех уровней и специализаций, центры управления регионами, общественные организации и частные инициативы (Григорьев 2022).

Наличие подобных институциональных дефицитов в течение длительного периода стимулировало обращения российских граждан во внешние инстанции правосудия после исчерпания мер правовой защиты на государственном уровне. Если рассмотреть содержательный профиль обращений

²⁵ Кузнецова Е., Алехина М. Путин поддержал идею создать национальный суд по правам человека // РБК. 10.12.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/12/2020/5fd20f0b9a7947bdc5c62947> (дата обращения: 04.04.2023).

в Европейский Суд по правам человека, то можно установить, что значительное количество резонансных решений было принято именно по делам, предполагающим судебную интерпретацию конституционных ценностей, на которые российское правосудие не смогло в должной мере функционально, экологично и окончательно отреагировать. Обращают на себя внимание многочисленные дела, основу которых составляет конфликт между правовым статусом гражданина РФ и его специальным правовым статусом (военнослужащего, учащегося, государственного служащего, заключенного и т.д.). В подобных ситуациях российский правовой дискурс исходит из приоритета специального статуса индивида, а внешний – общего²⁶. Данный конфликт имеет множество изводов и неоднократно проявлял себя как вопрос определения специальных прав и обязанностей для отдельных категорий граждан в стандартных и чрезвычайных обстоятельствах. Причем очень часто подобный конфликт, который внешний арбитр интерпретирует как требование о защите прав и интересов индивида от государства, на деле является запросом именно об усилении роли государства в соответствующей области в качестве гаранта прав²⁷, субъекта гуманизации общественных отношений²⁸.

Вполне естественно, что аутсорсинг функции интерпретации ключевых политических ценностей в конкретных ситуациях во внешние судебные инстанции в большинстве случаев неприемлем для национальных государств с позиции сохранения их автономии и правового суверенитета. Тем очевиднее необходимость укрепления на национальном уровне полнофункциональной, независимой и разветвленной системы, осуществляющей функцию выявления, фиксации, анализа и разрешения ценностного конфликта в области публичных гражданских ценностей на всех его этапах. Альтернативной, хотя и менее привлекательной опцией может стать

²⁶ ECtHR. Case of Putintseva v. Russia. Application no. 33498/04. Judgment of the Court. Strasbourg, May 10, 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Putintsev%20v.%20Russia%22%5D%22itemid%22:%5B%22001-110814%22%5D%7D> (дата обращения: 04.04.2023).

²⁷ ECtHR. Case of Burdov v. Russia (No. 2). Application no. 33509/04. Judgment of the Court. Strasbourg, January 15, 2009 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Burdov%20v.%20Russia%22%5D%7D>; ECtHR. Gerasimov and Others v. Russia. Applications nos. 29920/05, 353/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11. Judgment of the Court. Strasbourg, July 1, 2014 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Gerasimov%20and%20others%20v.%20Russia%22%5D%7D>; ECtHR. Case of Ananiev and Others v. Russia. Applications nos. 42525/07 and 60800/08. Judgment of the Court. Strasbourg, January 10, 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Applications%20nos.%2042525/07%20and%2060800/08%22%5D%7D> (дата обращения: 04.04.2023).

²⁸ ECtHR. Case of Ryabikh v. Russia. Application no. 52854/99. Judgment of the Court. Strasbourg, July 24, 2003 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Ryabikh%20v.%20Russia%22%5D%7D> (дата обращения: 04.04.2023).

профильная инстанция правосудия на базе Союзного государства России и Беларуси, ЕАЭС или СНГ и, возможно, более широких ценностно совместимых политических ассоциаций (ШОС, БРИКС), создание которой было заявлено²⁹, но в настоящее время не реализовано.

Представляется, что развитие данного направления в аналитическом и институциональном обеспечении решений в области государственной политики единства будет способствовать восполнению накопленных дефицитов, связанных с недоучетом значимой части политически активных актов, более чувствительной настройке системы распознавания конфликтов, возникающих в области публичных ценностей, выработке их обязывающего видения и интеграции отклоняющихся ценностных дискурсов в общее русло государственной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акопов С.В. 2022. Цивилизационная модель и особенности идентификации индивидов с макрополитическими сообществами (к проблеме суверенитета) // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 28-48. DOI 10.31119/jssa.2022.25.2.2

Блещик А.В., Калинина Е.Г., Несмеянова С.Э. 2021. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности // Правоведение. № 5. С. 87-100. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100

Григорьев И.С. 2022. Помощники суда: Российский Конституционный суд и уполномоченные по правам человека // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 92-109. DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-92-109

Давыдов Д.А. 2022. Динамика массовых протестных акций в современной России: событийный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 72-93. DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2199

Дробижева Л.М. 2017. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. № 1. С. 7-31.

Дроздова А.О. 2021. К вопросу о гендерном равенстве в европейской политике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 3. С. 145-154. DOI 10.15211/vestnikieran32021145154

Дьяченко Е.Б. 2020. Судебный активизм и его роль в практике международных судов // Международное правосудие. № 2. С. 103-125. DOI 10.21128/2226-2059-2020-2-103-125

Завершинский К.Ф. 2019. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 15, № 1. С. 88-107. DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Зайцев О.В. 2018. Судебный активизм как средство достижения правовой определенности в сфере частноправового регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. № 1. С. 63-71.

Казанцев Д.А. 2022. Бегство от политики: есть ли будущее у молодежного политического протеста в Сибири и на Дальнем Востоке? // Вестник Российского универ-

²⁹ Меркачева сообщила о начале создания суда по правам человека СНГ // Интерфакс. 08.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/834011>; Степашин сообщил о начале создания в РФ альтернативного ЕСПЧ суда // Интерфакс. 02.06.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/844310> (дата обращения: 04.04.2023).

ситета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24, № 4. С. 904-917. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917

Коллиер П. 2021. Будущее капитализма. Москва : Издательство Института Гайдара. 376 с.

Кудряшова И.В., Харитоновна О.Г. (ред.) 2020. Метаморфозы разделенных обществ. Москва : МГИМО-Университет. 284 с.

Лубский А.В., Посухова О.Ю. 2016. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // Власть. № 8. С. 39-48.

Малинова О.Ю. 2019. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 103-126. DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Миллер А.И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 87-102. DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102

Осколков П.В. 2020. Феномен национализма: концептуализация и типологии // Современная Европа. № 3. С. 108-116. DOI 10.15211/soveurope32020108116

Панкевич Н.В. 2022. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. № 4. С. 41-66. DOI 10.31249/poln/2022.04.02

Панкевич Н.В., Руденко В.В. 2021. Отдельные проблемы идентичности в документах стратегического планирования Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. № 4. С. 128-134. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134

Панкевич Н.В., Руденко В.В. 2022. Вакцинация от COVID-19 в системе национальной безопасности Российской Федерации: согласование частных и публичных интересов // Правоприменение. Т. 6, № 4. С. 75-95. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).75-94

Пронина Т.С. 2021. Феномен параллельных обществ и поворот к «мягкой» ассимиляции // Современная Европа. № 1. С. 151-160. DOI 10.15211/soveurope12021151160

Руденко В.В. 2020. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинградский юридический журнал. № 4. С. 71-83. DOI 10.35231/18136230_2020_4_71

Руденко В.В. 2021. Конституционный Трибунал Польши в поисках баланса по вопросам деторождения: новый виток традиционализма // Конституционное и муниципальное право. № 4. С. 68-72. DOI 10.18572/1812-3767-2021-4-68-72

Руденко В.Н. 2021. Делиберативные мини-публики в осуществлении публичной власти // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы / под ред. Ю.В. Бурбулис. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. С. 59-65.

Рыжова С.В. 2022. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. Т. 13, № 3. С. 13-31. DOI 10.19181/vis.2022.13.3.828

Сабурова Л.А. и др. 2022. Динамика интеграции онлайн-сообществ мобилизационного типа: опыт построения прогнозной модели / Л.А. Сабурова, А.М. Пономарёв, Ю.Ю. Эстрина, Г.А. Благодатский. Москва : Русайнс. 178 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин И.В. 2021. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. Т. 30, № 5. С. 56-77. DOI 10.17976/jpps/2021.05.05

Семенов А.В. 2018. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. Т. 17, № 2. С. 317-341. DOI 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341

Телин К.О., Филимонов К.Г. 2020. Пробелы идентичности. Как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. Т. 19, № 1. С. 35-73. DOI 10.17323/1728-192X-2020-1-35-73

Троянова Я.А. 2019. Тенденции проникновения стандартов ювенальной юстиции в госструктуры на примере органов опеки и попечительства // Вопросы российского и международного права. № 11-1. С. 112-118. DOI 10.34670/AR.2020.91.11.012

Фадеева Л.А., Назукина М.В. 2020. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. № 1. С. 201-220. DOI 10.31249/poln/2020.01.08

Фуко М. 2006. Безопасность, территория, население // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Москва : Праксис. С. 143-151.

Хабермас Ю. 2001. Есть ли будущее у национального государства? // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург : Наука. С. 197-229.

Ходинова О.С. 2019. Концептуальная триада «толерантность – идентичность – национализм» в условиях миграционного кризиса во Франции // Современная Европа. № 2. С. 175-184. DOI 10.15211/soveurope22019175184

Чу Д. 2022. Создание и оздоровление «системы совместного поощрения за оправдание доверия и совместного наказания за нарушение доверия»: китайский план разрешения сложной проблемы дефицита гражданского доверия // Социально-политические науки. № 12. С. 77-78. DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-1-77-87

Buzan B. 1991. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London : Harvester Wheatsheaf. 262 p.

Dąbrowska E. 2019. *New Conservatism in Poland: The Discourse Coalition around Law and Justice* // *New Conservatives in Russia and East Central Europe* / ed. by K. Bluhm, M. Varga. New York : Routledge. P. 245-259.

Freedman L. 2006. *Networks, Culture, and Narratives* // *Adelphi Papers Series*. Vol. 45, iss. 379. P. 11-26. DOI 10.1080/05679320600661640

Gerards J. 2017. *The European Court of Human Rights* // *Comparative Constitutional Reasoning* / ed. by A. Jacab, A. Dyeve, G. Itzcovich. Cambridge : Cambridge University Press. P. 237-276.

Gore T. 2011. *Epistemic Communities in Universities* // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 10, iss. 3. P. 98-103. DOI 10.1016/j.sbspro.2011.01.013

Haas P.M. 1992. *Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination* // *International Organization*. Vol. 46, iss. 1. P. 1-35. DOI 10.1017/S0020818300001442

Hajer M.A. 2006. *Doing Discourse Analysis: Coalitions, Practices, Meanings* // *Words Matter in Policy and Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences* / ed. by M. van den Brink, T. Metz. Utrecht : Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research. P. 65-74.

Hyde R. 2023. *Identity and Influence: A Role for the Rule of Law in Strengthening British National Identity and Maintaining the UK's Soft Power*. London: The Social Market Foundation. 68 p. URL: <https://www.smf.co.uk/wp-content/uploads/2023/01/Identity-and-influence-January-2023.pdf> (дата обращения: 04.04.2023).

Inglehart R.F. 2018. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge : Cambridge University Press. 273 p.

Mann M. 1993. *The Sources of Social Power*. Vol. 2. *The Rise of Classes and Nation-States. 1760–1914*. Cambridge : Cambridge University Press. 844 p.

Norocel O.C., Băluță I. 2021. Retrogressive Mobilization in the 2018 “Referendum for Family” in Romania // *Problems of Post-Communism*. Vol. 70, iss. 2. P. 153-162. DOI 10.1080/10758216.2021.1987270

Robertson R. 1990. After Nostalgia? Willful Nostalgia and Phases of Globalisation // *Theories of Modernity and Postmodernity* / ed. by B.S. Turner. London : Sage. P. 45-61.

Strong S.I. 2017. Clash of Cultures: Epistemic Communities, Negotiation Theory, and International Lawmaking // *Akron Law Review*. Vol. 50, iss. 3. P. 495-535.

Tolonen H., Koulu S., Hakalehto S. 2020. Best Interests of the Child in Finnish Legislation and Doctrine: What Has Changed and What Remains the Same? // *Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries* / ed. by T. Haugli, A. Nylund, R. Sigurdson, L.R.L. Bendiksen. Brill. P. 159-184. DOI 10.1163/9789004382817

Usher N., Ng Y.M.M. 2020. Sharing Knowledge and “Microbubbles”: Epistemic Communities and Insularity in US Political Journalism // *Social Media + Society*. Vol. 6, iss. 2, P. 1-13. DOI 10.1177/2056305120926639

White J.V. 2006. Globalism and the American Civil Rights Model: Toward an Assimilation Law // *Global law v. local law. Problemi della globalizzazione giuridica / a cura di C. Amato, G. Ponzanelli*. Torino : Giappichelli. P. 443-474.

References

Akopov S.V. Civilizational Model and Identification of Individuals with Macropolitical Communities (On the Problem of Sovereignty), *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2022, vol. 25, no. 2, pp. 28-48. (In Russ.). DOI 10.31119/jssa.2022.25.2.2

Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E. Transformation of Constitutional Identity Due to Contemporary Challenges, *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 87-100. (In Russ.). DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100

Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, London, Harvester Wheatsheaf, 1991, 262 p.

Chu D. Establishing and Improving a System of Joint Incentive for Honesty and Joint Punishment for Dishonesty: A Chinese Solution to Citizen Dishonesty, *Social'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2022, no. 12, pp. 77-78. (In Russ.). DOI 10.33693/2223-0092-2022-12-1-77-87

Collier P. *The Future of Capitalism*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2021, 376 p. (In Russ.).

Dąbrowska E. New Conservatism in Poland: The Discourse Coalition around Law and Justice, *Bluhm K., Varga M. (eds.) New Conservatives in Russia and East Central Europe*, New York, Routledge, 2019, pp. 245-259.

Davydov D.A. Dynamics of Mass Protest Actions in Modern Russia: An Event Study, *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic & Social Changes], 2022, no 5, pp. 72-93. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2199

Diyachenko E.B. Judicial Activism and Its Role in Case-Law of International Courts, *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2020, no. 2, pp. 103-125. (In Russ.). DOI 10.21128/2226-2059-2020-2-103-125

Drobizheva L. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism, *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2017, vol. 26, no. 1, pp. 7-31. (In Russ.).

Drozdova A.O. Revisiting “Gender Equality” in European Politics, *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of IE RAS], 2021, no. 3, pp. 145-154. (In Russ.). DOI 10.15211/vestnikieran32021145154

Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of Political Science in Russia: Factors, Levels, Results (On the Example of Identitarian Studies), *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2020, no. 1, pp. 201-220. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2020.01.08

Foucault M. Security, Territory, Population, *Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3*, Moscow, Praxis, 2006, pp. 143-151. (In Russ.).

Freedman L. Networks, Culture, and Narratives, *Adelphi Papers Series*, 2006, vol. 45, no. 379, pp. 11-26. DOI 10.1080/05679320600661640

Gerards J. The European Court of Human Rights, *Jacob A., Dyevre A, Itzcovich G. (eds.) Comparative Constitutional Reasoning*, Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 237-276.

Gore T. Epistemic Communities in Universities, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 10, no. 3, pp. 98-103. DOI 10.1016/j.sbspro.2011.01.013

Grigoriev I.S. Helpers of the Court: Russian Constitutional Court and Ombudsman, *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2022, no. 1, pp. 92-109. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-92-109

Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination, *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 1, pp. 1-35. DOI 10.1017/S0020818300001442

Habermas J. Does the Nation-State Have a Future? *Habermas J. The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*, Saint Petersburg, Nauka, 2001, pp. 197-229. (In Russ.).

Hajer M.A. Doing Discourse Analysis: Coalitions, Practices, Meanings, *Brink M., Metzger T. (eds.) Words Matter in Policy and Planning: Discourse Theory and Method in the Social Sciences*, Utrecht, Netherlands Graduate School of Urban and Regional Research, 2006, pp. 65-74.

Hyde R. Identity and Influence: A Role for the Rule of Law in Strengthening British National Identity and Maintaining the UK's Soft Power, London, The Social Market Foundation, 2023, 68 p., available at: <https://www.smf.co.uk/wp-content/uploads/2023/01/Identity-and-influence-January-2023.pdf> (accessed April 4, 2023).

Inglehart R.F. *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*, Cambridge, Cambridge University Press, 2018, 273 p.

Kazantsev D.A. Escape from Politics: Is There a Future for Youth Political Protest in Siberia and the Far East? *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2022, vol. 24, no. 4, pp. 904-917. (In Russ.). DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-904-917

Khodinova O.S. The Conceptual Triad "Tolerance – Identity – Nationalism" in Terms of Migration Crisis in France, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2019, no. 2, pp. 175-184. (In Russ.). DOI 10.15211/soveurope22019175184

Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds.) *Metamorphoses of Divided Societies*, Moscow, MGIMO-Universitet, 2020, 284 p. (In Russ.).

Lubsky A.V., Posukhova O.Yu. Nation-Building Projects and Models of National Integration, *Vlast' [Power]*, 2016, no. 8, pp. 39-48. (In Russ.).

Malinova O.Yu. Who Forms Official Historical Narrative and How? *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2019, no. 3, pp. 103-126. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126

Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation-States. 1760–1914*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 844 p.

Miller A.I. Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory – Causes and Implications, *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz* [The Journal of Political Theory,

Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2019, no. 3, pp. 87-102. (In Russ.). DOI 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102

Norocel O.C., Băluță I. Retrogressive Mobilization in the 2018 “Referendum for Family” in Romania, *Problems of Post-Communism*, 2021, vol. 70, no. 2, pp. 153-162. DOI 10.1080/10758216.2021.1987270

Oskolkov P.V. The Nationalism Phenomenon: Conceptualization and Typologies, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2020, no. 3, pp. 108-116. (In Russ.). DOI 10.15211/soveurope32020108116

Pankevich N.V. The State in the Political Space and the Spatiality of Alternative Political Forms, *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2022, no. 4, pp. 41-66. (In Russ.). DOI 10.31249/poln/2022.04.02

Pankevich N.V., Rudenko V.V. COVID-19 Vaccination in the National Security System of the Russian Federation: Coordination of Private and Public Interests, *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2022, vol. 6, no. 4, pp. 75-94. (In Russ.). DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).75-94

Pankevich N.V., Rudenko V.V. Various Problems of Identity in the Documents of Strategical Planning of the Russian Federation, *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Surgut State University Journal], 2021, no. 4, pp. 128-134. (In Russ.). DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134

Pronina T.S. “Parallel Societies” and a Turn towards Soft Assimilation, *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2021, no. 1, pp. 151-160. (In Russ.). DOI 10.15211/soveurope12021151160

Robertson R. After Nostalgia? Willful Nostalgia and Phases of Globalisation, Turner B.S. (ed.) *Theories of Modernity and Postmodernity*, London, Sage, 1990, pp. 45-61.

Rudenko V.N. Deliberative Mini-Publics in the Exercise of Public Power, *Burbulis Yu.V. (ed.) Philosophy Today: Values, Prospects, Meanings*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021, pp. 59-65. (In Russ.).

Rudenko V.V. The 2020 Russian Constitutional Reform: Transformation of the Values System, *Leningradskij juridicheskij zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2020, no. 4, pp. 71-83. (In Russ.). DOI 10.35231/18136230_2020_4_71

Rudenko V.V. The Constitutional Tribunal of Poland in Search of Balance in Childbirth Affairs: A New Round of Traditionalism, *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 4, pp. 68-72. (In Russ.). DOI 10.18572/1812-3767-2021-4-68-72

Ryzhova S.V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust, *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2022, vol. 13, no. 3, pp. 13-31. (In Russ.). DOI 10.19181/vis.2022.13.3.828

Saburova L.A., Ponomarev A.M., Estrina Yu.Yu., Blagodatsky G.A. *Dynamics of Integration of Online Communities of Mobilization Type: Experience of Building a Predictive Model*, Moscow, Rusajns, 2022, 178 p. (In Russ.).

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social Cleavages and Political Divides in a Theoretical Perspective: Criteria for Assessment and Classification, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2021, vol. 30, no. 5, pp. 56-77. (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.05

Semenov A.V. Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies, *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 317-341. (In Russ.). DOI 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341

Strong S.I. Clash of Cultures: Epistemic Communities, Negotiation Theory, and *International Lawmaking*, *Akron Law Review*, 2017, vol. 50, no. 3, pp. 495-535.

Telin K.O., Filimonov K.G. Identity Gaps: How and Why a Nation Eludes A State, *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 35-73. (In Russ.). DOI 10.17323/1728-192X-2020-1-35-73

Tolonen H., Koulu S., Hakalehto S. Best Interests of the Child in Finnish Legislation and Doctrine: What Has Changed and What Remains the Same? *Haugli T., Nylund A., Sigurdson R., Bendiksen L.R.L. (eds.) Children's Constitutional Rights in the Nordic Countries*, Brill, 2020, pp. 159-184. DOI 10.1163/9789004382817

Troyanova Ya.A. Trends in the Penetration of Juvenile Justice Standards in Government Agencies by the Example of Guardianship Authorities, *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 2019, no. 11-1, pp. 112-118. (In Russ.). DOI 10.34670/AR.2020.91.11.012

Usher N., Ng Y.M.M. Sharing Knowledge and "Microbubbles": Epistemic Communities and Insularity in US Political Journalism, *Social Media + Society*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 1-13. DOI 10.1177/2056305120926639

White J.V. Globalism and the American Civil Rights Model: Toward an Assimilation Law, *Amato C., Ponzanelli G. (eds.) Global law v. local law. Problemi della globalizzazione giuridica* [Global Law vs Local Law. Issues of Legal Globalization], Turin, Giappichelli, 2006, pp. 443-474.

Zavershinskiy K.F. Political Culture as Symbolic "Rebuilding" of the Political, *Politicheskaya ekspertiza: POLITE'KS* [Political Expertise: POLITEX], 2019, vol. 15, no. 1, pp. 88-107. (In Russ.). DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Zaytsev O.V. Judicial Activism as a Means of Achieving Legal Certainty in the Sphere of Private Law Regulation, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Herald of Tver State University. Series: Law], 2018, no. 1, pp. 63-71. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Владимировна Панкевич

кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7661-1754;
ResearcherID: AAO-9803-2021;
Scopus AuthorID: 57191095459;
SPIN-код: 8940-7486;
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Pankevich

Candidate of Political Science, Associate Professor, Senior Researcher, Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7661-1754;
ResearcherID: AAO-9803-2021;
Scopus AuthorID: 57191095459;
SPIN-code: 8940-7486;
E-mail: n.pankevich@yandex.ru